

Б.И. МАКСИМОВ: «СОЦИОЛОГ КАК ЛОШАДЬ, СКАЧУЩАЯ В СТОЙЛЕ»

От ведущего рубрики

В нашей онлайн-беседе, длившейся более года, Борис Иванович Максимов вспомнил о своем участии в опросах общественного мнения, проводившихся в самом начале 1970-х годов под руководством Б.М. Фирсова. И я работал в той команде, значит, нашему знакомству с Максимовым – более трех десятилетий. Потом мы работали вместе в Институте социально-экономических проблем АН СССР, Петербургском филиале Института социологии РАН, много лет общались по делам Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации... Но только сейчас я немного узнал о жизненном пути Бориса, о его поисках своего места в социологии. Извини, тезка, что я давил на тебя, заставляя рассказывать о себе. Я был настойчив потому, что понимаю важность прослеживания судеб тех, кому историей было суждено начинать социологические исследования в СССР. А ты – это точно – один из них.

Беседа с Борисом Максимовым показывает, как мало мы знаем друг друга. Кому-то это обстоятельство может показаться незначимым, относящимся лишь к уровню межличностных отношений в нашем профессиональном сообществе. Если бы... в действительности, это свидетельство нашего незнания истории российской социологии и одновременно невнимание к тем, кому предстоит развивать ее. В какой-то момент они почувствуют необходимость оглянуться назад и узнать, что было до них... они не должны увидеть пустоту...

Завершая свои воспоминания, Борис пишет о своем желании продолжить описание прожитого под заглавием «Минидраматическая социология». Продолжить надо, но – под другим заголовком. В жизни минидрам не бывает. Все – по-настоящему.

Борис Докторов

1. Драматический социолог в драматической социологии

Довольно странное название ты дал своим воспоминаниям. И разговор о драматической социологии тоже выглядит несколько неожиданным для меня...

Да, монополию на драматическую социологию имеет у нас, как известно, А.Н. Алексеев¹. Его уникальные приключения в социологии, отраженные в не менее уникальных многотомных сочинениях – это неповторимый вклад в социологию, ее историю, а сам Алексеев – инноватор в социологии. На его поле и его лавры – с репрессиями пополам – я не претендую. Драматичность, о которой я говорю, несколько иного свойства.

Алексеев пишет о гонениях на него и социологию. В этом плане судьба социологии так же драматична, как, например, генетики, отраженной В. Дудинцевым в романе «Белые одежды». И Алексеев, пожалуй, поболее всех нас испил чашу гонений, не книжных – в настоящей жизни. Тогда никто не мог предсказать перестройку и связанные с ней кардинальные изменения; не видно было ни малейшего проблеска в туннеле. Советская система казалась железобетонной, и исключение Андрея из всего, из чего можно исключить, выглядело невозвратным, хотя герой и предпринимал (и в этом плане) титанические усилия для реабилитации. Потом Алексеев сделал эту драму предметом своего лонгитюдного, длиною в целую жизнь, наблюдения и анализа, сотворил новую отрасль в социологии, изобрел в ней оригинальные подходы, методы и не менее оригинальный жанр писания. Ты помнишь, с чего все начиналось? С «Писем любимым женщинам»: у него было более полутора десятка любимых женщин, и писал он им... о методологических подходах в социологии, о бюрократической переписке с отделом ОТК, главного технолога, описывал техпроцессы и т. п. После заводских приключений он стал воспринимать и обычную жизнь как драму, иногда даже сознательно проблематизируя, драматизируя ее для своего «познания через действие». Его

социология приобрела качество драматичности вследствие драматичности самой жизни, которую непосредственно отражала.

Не от него ли ты заразился драматизмом? Ведь ваши жизненные пути пересекались?

Да, раз уж я заговорил об Алексееве, можно вспомнить, что моя жизненная траектория, действительно, пересекалась с его «линией» в самый драматический период последней, и это «точка» моей биографии, на описание которой ты меня направляешь. И не только в эпизоде исключения Андрея из Социологической ассоциации, в протокольном описании которого он меня упоминает², но и во время его героическо-драматической работы на воспетом им типичном (и передовом) советском предприятии. Ведь я тоже трудился в этот период на том же заводе.

1 Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Санкт-Петербург: Норма. Т. 1–2, 2003; Т. 2–4, 2005.

2 Алексеев А.Н. Познание через действие // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 5. С. 11–23.

Андрей находился на нижнем этаже производственной структуры, в среде рабочих, я – на верхнем, в составе заводоуправления. Он хлебнул драматизма положения класса-гегемена, стоящего на нижней ступеньке, я – драматизма пролетариев умственного труда, как будто бы «командиров производства», но тоже не избавленных от драматизма, а проще – идиотизмов, одним из которых было кручение вхолостую, или скачки на месте. По идее, я должен был тоже написать свои «письма из отдела НОТ». Но мой драматизм, и таковой же заводских ИТР остался втуне, я ничего не написал. Меня даже в КГБ ни разу не вызвали, до сих пор гадаю – почему? Ведь я тоже читал «Письма» Алексеева, встречался с ним непосредственно у его знаменитого станка в то время, когда он (не станок, понятно) – прямо на заводе – писал свои «клеветнические измышления». У меня тоже, наверное, как у всех социологов, кое-что можно было обнаружить, если нагреть с обыском; и я постарался спрятать кое-какие материалы. Смешно вспомнить – одним из них были тексты докладов конференции по героической советской эпопее – строительству БАМа. Возможно, дело в том, что Алексеев написал, совершил действия – и потерпел, я не написал – и не потерпел. Но я-то прихожу к неутешительному для себя умозаключению – видимо, посчитали меня недостойным внимания столь крупного органа государственной безопасности. Может быть, действовали по схеме: Максимов – это рядовое критическое существо, боящееся высунуться, его привлекать – это всех привлекать; а вот Алексеев – выдающийся «критически мыслящий субъект», его следовало «подстричь».

Про Андрея Алексеева понятно, а в чем заключается драматизм именно твоей жизненной ситуации?

Если вести речь о драматизме гонений, то могут сказать – да, был советский драматизм, но сейчас-то – полная свобода, которая, хотя и пришла голой, но позволяла писать что угодно, даже ругать первое лицо в государстве, кое, хотя и не королева, но все же... если, конечно, не подстрелят, как Анну Политковскую. Действительно, сейчас свобода – пожалуй, еще никогда не бывавшая в России. Даже страшно как-то. Вдруг придет Владимир Жириновский, который, несмотря на его дешевое актерство, уже подобрался к третьему месту в рейтинге. Да, сегодня социологов не сажают. Но...

И все же мой драматизм, повторяю, несколько особого рода. Про себя я когда-то сочинил: «Я – лошадь, скачущая в стойле/Кусаю с хрустом удилов железо/Бьюсь головой о стенку перед мордой/И пена хлопьями со взмыленных боков/Храплю и ржу, выкрикивая душу/И все на месте, в том же самом стойле...» Относительно самого меня эти строчки точно отражают суть моего социологического мироощущения и поведения. При внешнем спокойствии и даже как будто бы благополучии моей жизни, внутри она полна драматизма. Здесь я имею в виду, прежде всего, жизнь в социологии (или – с социологией?); о прочей жизни не будем и говорить, тут у меня все, как и у прочих российских граждан, не входящих в новоявленную элиту. И главный драматизм состоит в том, что, с одной стороны, я прилагаю усилия, вылезая из кожи вон, чтобы как-то реализовать плоды своих исследований, «принести пользу отечеству», оправдать зарабатываемый хлеб, с другой – все понапрасну, и я, как ни скачу – все в том же стойле. На том же заводе Алексеева, когда он боролся с системой, я пытался внедрять социологию в жизнь передового коллектива, в частности, содействовать прогрессивным методам бригадной организации труда среди рабочих. И хотя меня, как я говорил, не вызывали в КГБ, не били постоянно по морде, но зато и вниманием не баловали, а точнее – просто игнорировали. А перед

этим я 10 лет внедрял социологию на доблестном флагмане индустрии – и примерно с таким же успехом. То есть мой драматизм состоит в неустойчивости меня самого и в моем лице социологии, которой я занимался. Мне кажется, что и у некоторых других социологов, связавших свою судьбу с этой своеобразной дамочкой, служащей якобы существу среднего рода – обществу и добывающей любви у существа женского рода – власти, жизнь тоже драматична в упомянутом плане. И опять же – при внешнем благополучии.

Более того, мне представляется, что приведенные строчки про лошадь можно отнести и к социологии в целом, по крайней мере – российской. Повторяю, главный драматизм в моем понимании, наряду с драматизмом гонений, состоит в том, что, с одной стороны, социология пытается что-то сделать, все скачет и скачет, перепрыгивая самое себя, с другой, ничего у нее не выходит, и остается она все в том же стойле.

Не кажется ли тебе, что ты слишком прибедняешься, да и социологию прижимаешь?

Наверное, это мое чрезмерно субъективное восприятие. Но, увы, оно таково. Певица Татьяна Буланова в своей любимой песенке поет: «Серая лошадка где-то в поле скачет...» Хорошо скакать в поле, даже будучи серой лошадкой! А каково в стойле, которое и есть социологическое поле, да еще и «молча»?!

Возможно, моя мысль о драматизме нереализованности вообще не очень понятна и убедительна, тем не менее, я имею право на субъективное видение и претендую на имидж драматического социолога. В моем случае личная драматичность соединилась с драматичностью социологии, и получилась драматичность в квадрате. К этому присоединяется и мое стремление применять драматизацию (проблематизацию) жизненных текстов как прием, что отчасти перекликается с алексеевским приемом драматизации для познания.

В советское время хоть репрессивное внимание проявлялось, что давало ощущение причастности к жизни общества. Ты либо служишь, либо борешься. По выражению англичан, препятствия нужны для рождения энергии. Завидую тем коллегам, которые и не помышляют ни о каком служении; более того, ориентацию академической социологии на актуальные проблемы считают принципиально недопустимой. Я, видимо, просто рожден быть социальным инженером. Спасибо, что ты даешь возможность выплеснуть душу, так сказать, «поржать», правда, в своеобразном жанре и в замкнутой сфере социологического сообщества, но все же много более широкой, чем персональное стойло. Вот ты говоришь, что я прижимаю социологию... А какие преобразования она внесла в судьбоносный, как говорят, перестроечный период? Кто из социологов был призван во властные реформаторы? Вон, экономисты сколько наворочали – и отношения собственности изменили, и производство повернули лицом к потребителю, и могучую социально-ядерную энергию предпринимательства раскрепостили... Конечно, результаты неоднозначные... но хоть какие-то есть. А что в активе у нашей братии?

Возможно, социология и не должна была заниматься конкретными разработками, проектами?

Допустим, она должна была давать информацию по типу обратной связи о самочувствии общественного организма, когда к нему применяют шоковые методы, режут по живому. Социологи и пытались осуществлять эту функцию, начиная от отдельных ученых и кончая целыми институтами, используя, в том числе, такие мощные каналы информации, как общероссийские мониторинг-

ги. Помню, читал весьма впечатляющий доклад Института социологии РАН о ситуации в социальной и экономической сфере... Но кто обращал внимание на тревожные сигналы социологов? Или социология, академическая, по крайней мере, вообще не должна касаться суетной быстротекущей жизни, существовать в девственной чистоте от злободневности?

Пожалуй, лучше я обращаюсь к этой теме еще раз попозже, а то, чувствую, что перебрал со своей драматичностью неустребованности.

2. Познать общество конкретно!

Да, перейдем к собственно биографии. Расскажи, где ты родился, о родительской семье, о годах юности. Помнишь ли ты свои мечты о будущем? Кем ты хотел стать? Ты, кажется, рано начал работать, так ли это?

Так то так, но я не хотел бы выпячивать свою автобиографию, по крайней мере, начинать с нее. Во-первых, полная автобиография – это необъятно, во-вторых, я человек скромный. Разумеется, мне не обойтись без автобиографического стиля, но я хотел бы ограничиться приключениями в сфере социологии. Говорить хотя и о себе, но через социологию, и через себя о ней в основном, личное подавать через социологическое (или наоборот). А где родился и кем мечтал быть – это в моем случае для других сочинений. Не знаю, кто вообще будет читать эти сочинения, но уж точно – про В.А. Ядова³ прочтут, а про Максимова – вряд ли...

Не соглашусь с тобой. Нам так долго твердили: «Скромность украшает человека», что убрали из нас и из системы воспитания такое качество, как «достойная самооценка». Она у нас, как правило, низкая. В стране, где я живу, с детства формируют высокую самооценку... Каждый в чем-то или чем-то хорош... Далее, я собираю интервью для того, чтобы прежде всего показать судьбы советских социологов. Историю потом напишут. Важно запечатлеть персональные судьбы тех, кто следовал непосредственно за самыми первыми... Следующие поколения приходили и будут приходиться в социологию иначе. Уверен, прошлое будет крайне важным для них...

Возможно. Соглашусь также с мыслью, что мы сами себя сечем. Видимо, прибедняться свойственно российскому человеку. У нас даже богачи любят «косить» под бедных, а не выставлять себя напоказ, как в вашей Америке.

Эти мифы – от Михаила Задорнова. В действительности в Америке не придают такого внимания внешнему виду, как в России...

...Но начну я все же не с биографического рождения, а с момента вступления в социологию в 1964 (или 65?) году. Это и есть мое рождение для социологической жизни. Кстати, оно было совсем неплохим. Моими крестными отцами были сами В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов⁴ – прародители новейшей российской социологии; крестной мамой была, пожалуй, Генрида Ивановна Хмара, историк КПСС по базовому образованию, преждевременно скончавшаяся, мало попользовавшаяся свободой. Значитель-

ную часть своей социологической жизни я носил кличку «заводского социолога», а потом – «бывшего заводского социолога». Это – когда сама заводская социология канула в Лету, притом в благословенные, казалось бы, времена, с приходом свободы и актуализацией «социального заказа». Но мало кто знает, что еще до того был период, когда я работал просто социологом, или «вузовским социологом». Мое вступление в социологию совпало, вероятно, с реанимацией ее самой, отчего ее злоключения и взлеты были и моими порханиями и падениями, хотя я и «шел за самыми первыми». Точнее, даже не реанимацией, а рождением заново, ибо реанимировать-то было некого. В то время, в знаменитые шестидесятые, буквально в воздухе висел социальный заказ: познать общество конкретно, преодолевая схоластические догмы, официозно-идеологизированные построения истмата, политэкономии социализма, истории КПСС, да и просто истории, изнасилованной в советский период, наверное, как никогда раньше (насилование, разумеется, продолжалось и в позднейшие, более демократические времена, я говорю просто о степени овладения). Кстати, прекрасной иллюстрацией к состоянию обществоведения того времени может служить судьба той же упомянутой моей крестной мамы. Хмара – историк КПСС, писала докторскую диссертацию по какому-то периоду истории партии. Первый вариант был написан в дохрущевские времена. Но она не успела защититься, грянула хрущевская «оттепель». Аде пришлось переписывать диссертацию. Но и этот вариант она не успела защитить. Ею тоже овладела жажда построить историю на конкретных фактах. И тут оказалось, что диссертацию вообще невозможно защищать. Кажется, новая выявленная социология так и осталась незащищенной.

Новые изыскания так и назывались: конкретные социологические исследования. И в эту отдушину ринулись несметные массы обществоведов; энтузиазм конкретного познания охватил всех, многие стали называть себя социологами. Я помню первый социологический симпозиум, проходивший в Ленинграде, в здании Академии наук в 1967 (или 1968) году. Огромный конференц-зал был набит до отказа, люди – часами! – стояли в проходах, толпились в примыкающих помещениях. Атмосфера была почти праздничная. Доклады и выступления, в которых сообщалось, например, о реальном составе читателей библиотек, слушались как откровения, сопровождалась аплодисментами, бесконечным числом вопросов, необъятным количеством желающих самим выступить.

В Ленинграде главным социологическим центром была лаборатория социологических исследований при Ленгосуниверситете под руководством уже тогда корифеев В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова. На заседания лаборатории в запущенном Меншиковском дворце стекалась масса народа, словно на публичное мероприятие; комната была забита, обычно еще толпа стояла в прихожей. И никого не выгоняли. Даже моя жена, студентка матмеха, иногда приходила на заседания и – до сих пор рассказывает как сказку – возражала Ядову. И он слушал, не одергивал девчонку. И в эту лабораторию мне повезло попасть, на должность, кажется, младшего лаборанта, с окладом в 60 с чем-то рублей.

Я знал Люсю по матмеху, когда она еще не была твоей женой, работал на полставки в одной из математических лабораторий, размещавшихся в Меншиковском дворце, но ничего не слышал про те ядовские семинары. И что тебя толкнуло в социологию?

Скажу, с каким настроением я пришел в лабораторию (и социологию), но здесь мне придется выйти за рамки сферы социологии. Я пришел с производства, только не из

3 В.А. Ядов: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 3. С. 2–11; 2005. № 4. С. 2–10.

4 Здравомыслов А.Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 5. С. 2–10.

социологической службы – тогда их не было и в помине – а из технического отдела завода, куда распределился по собственной инициативе, рассчитывая стать производителем психологом. Меня обуревала жажда оптимизировать человеческие отношения, то есть все то, что потом стали называть расплывчатым словом «человеческий фактор». Я был убежден – и видел подтверждения тому на каждом шагу – что социальная сторона производства определяет его эффективность, но никто ее не ценит, не занимается ею, что кадровики – это вообще почти надзиратели, бывшие кагэбэшники. На каждом шагу я наталкивался на равнодушие, безответственность, откровенную халтуру и т. п., на то, что Андрей Алексеев называл «разгильдяйством».

Памятником разгильдяйству, стоявшим посреди завода, был огромный агрегат (станок), закупленный за валюту, привезенный на территорию завода много лет назад, но так и не установленный, даже не распакованный, точнее сказать, распаковываемый, раскурочиваемый с боков всеми кому не лень. Каждый день мимо станка проходили сотни людей, в том числе начальство... На заводе была первая в стране психологическая лаборатория на производстве. Заведующий, по фамилии Цурковский, был изобретателем какого-то (забыл, как назывался) уникального прибора, записывающего на барабан, подобный шарманке, состояние, психологические данные человека по нескольким параметрам. Это было чудо научно-технического прогресса! Но в лабораторию мне попасть не удалось, поместили меня как молодого специалиста в отдел главного технолога, в группу механизации вспомогательных работ. И я, выпускник философского факультета ЛГУ, с упоением окупился в механизацию, скоро даже обогнал в роете инженеров с техническим образованием, меня повысили в должности до старшего инженера и поручали самые сложные устройства. А все вследствие энтузиазма, желания что-то изменить, улучшить, внедрить.

В одном цехе я обнаружил допотопный сборочный стенд гидравлических цилиндров. Я тут же подал рацпредложение по его усовершенствованию; это было очередное из более чем десятка предложений, уже поданных мною. В ответ мне принесли пачку чертежей, составленных каким-то институтом, с полной механизацией сборки. За изготовление сложного агрегата никто не брался. Я тоже отставил чертежи и принялся за реализацию своего рацпредложения. В различных цехах я высматривал забракованные, а то и просто плохо лежавшие узлы, стаскивал их в центральную лабораторию, принадлежащую отделу, и здесь компоновал в задуманный мной стенд. Освоил работу на станках, электросварку, не говоря уже о слесарном деле... можешь поверить?! – бегал по территории – настолько велико было мое нетерпение сотворить собственное детище. Я, конечно, действовал неправильно, воспользовавшись уходом начальника в отпуск – не дело инженера заниматься физическим изготовлением агрегата, что мне было и указано, за что и получил в качестве благодарности выговор. Но стенд стоял и действовал! Тогда только так и можно было двигать научно-технический прогресс. Фотографию стенда я храню до сих пор как свидетельство о реально сотворенной вещи, не единственной ли в жизни инженера, ученого-социолога?

Вот с таким настроением я пришел в социологическую ядовитую лабораторию (и социологию). И, кстати, в ответ на твой вопрос: «Что меня толкнуло в социологию?» скажу, что я – подобно многим – стремился познать общество конкретно и что-то конкретное сотворить в области общественных отношений, доминирующих и крайне нуждающихся в переломе, подобно моему сборочному стенду. Как видишь, «толстым обстоятельством» у меня было, наряду с познанием, как у других, еще и неумное жела-

ние вторгнуться в социальную сферу в качестве инженера. Правда, тогда нужно было проектно-конструкторскую деятельность сочетать с исследовательской, ибо результаты исследований, по крайней мере, для подведения научно обоснованной базы под реорганизацию, тоже не было. Но это сочетание познания с практическими действиями даже больше вдохновляло.

...И чем ты начал заниматься?

Первое, на что меня бросили, это изучение мнений телезрителей о передачах Ленинградской телестудии. Это было, пожалуй, в 1965 году. Кем-то уже было собрано более тысячи анкет, предстояло их обработать. Подготовку у нас тогда, сам понимаешь, была какая. Университеты мы хоть и кончали, но социологов, кроме Маркса, Энгельса, Ленина, ну, может быть, еще Плеханова, не проходили. В анкете был открытый вопрос на целую страницу. На этом вопросе я чуть не свихнулся. И сейчас-то обработка открытых вопросов – дело хитрое, тогда же для новичка это была та еще головоломка!

Какую же конкретику я увидел? Надо отметить, что в то время телевидение рассматривалось прежде всего как орудие идеологического воздействия на население, в том числе через средства культуры. Соответственно, телестудия находилась под эгидой партийной организации, обкома КПСС. И естественно, ожидалось, точнее, считалось – так должно быть, и не иначе: ленинградцы в первую очередь смотрят общественно-политические передачи, ну, в качестве культурного потребления просматривают лучшие советские кинофильмы, спектакли, слушают симфоническую музыку (распространены были трансляции музыкальных концертов) и в основном игнорируют зарубежные произведения, хотя и отобранные, но все же не лишены налета массовой, главное – идеологически чуждой культуры.

На деле все оказалось скорее наоборот. Жители колыхали революции, как правило, выключали телевизор во время приоритетных передач о политике, тогда переключались на другой канал было некуда, и прилипали к голубым экранам именно тогда, когда шел какой-нибудь детектив, особенно иностранный, и чем глупее была кинокартина, тем большее число зрителей она собирала; это же можно было видеть и в кинотеатрах. Пользуясь анонимностью опроса, ленинградцы открыто говорили о скучности общественно-политического вещания, ставили совершенно конкретные, не относящиеся к высокой идеологии вопросы о коммунальных квартирах, очередях в магазинах, спецпайках партийных начальников, грязи во дворах (в переключку с передачей «А у нас во дворе...», где как раз говорилось о захламленности дворовых территорий).

Помню одно любопытное высказывание: «У нас пускают деньги на великие стройки, полетели в космос... Подумала бы партия лучше о том, как вывести клопов из города-героя!» Я живо представлял себе, как партия выводит, колоннами, клопов из города-героя, не травит, а именно выводит. Высказывания я группировал, наиболее яркие старательно выписывал в качестве иллюстраций. Интересно, что тогда вроде бы уже и страха не было... или мы беспечно не осознавали опасность своих занятий?

Результаты обработки анкет поступили на стол директору телестудии, которым был тогда Б.М. Фирсов. Надо отдать должное его мужеству – он не только принял выводы новоиспеченного социолога, но и, собрав совещание работников студии, начал их цитировать; видимо, тоже хотел изменить систему вещания (правда, неясно, каким путем – подстраивая под запросы зрителей или

5 Фирсов Б.М. «О себе и своем разномыслии...» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 1. С. 2–12.

воспитания их вкусов, в том числе интереса к политизированным передачам). Не помню, за что конкретно был снят Фирсов, но он был обречен в любом случае, ибо уже попробовал конкретную социологию с ее отравой конкретной правды жизни⁶.

На этом примере прекрасно было видно, за что подвергают гонениям или не востребуют (игнорируют) социологию – притом не только власти, но и население: она дает картину, противоречащую установленным, устоявшимся представлениям, она – неприятна, иногда просто опасна, мешает жить. Власти и люди предпочитают жить в шорах догм, мифов, иллюзий.

Покажи, например, социолог сейчас, что оптимистов становится больше (по Л. Кесельману, М. Мацкевич), что индекс удовлетворенности жизнью повышается (по ВЦИОМу) – значительная часть населения примет эти выводы в штыки. Вспоминается пример, связанный с упомянутыми телевидением и Б.М. Фирсовым. Занявшись, после снятия, социологией массовых коммуникаций, Фирсов наладил буквально фантастическую по тем временам машину изучения общественного мнения, и не только о телепередачах. В течение одних суток проводился опрос в масштабах города, обработка и анализ результатов, подготовка отчета (выводов), так что на следующее утро на стол одного из секретарей обкома ложились данные об отношении населения к только что вышедшим передачам телевидения, сообщениям информагентств, действиям властей, партийных органов. Не знаю, правда, зачем была нужна такая скорость, пригодная буквально в военной ситуации (для произведения эффекта?), но в целом машина представляла собой идеальную систему обратной связи, не оценимо важную в нормальном контуре управления. И что же? Через несколько замеров Фирсов жаловался, что в обкоме им не удовлетворены, что поставляемая информация вынуждает как-то на нее реагировать, лишает уверенности в привычных представлениях, беспокоит, раздражает, мешает. Ну, и финал этой превосходной службы может описать сам Фирсов. Невостребованность смыкается с гонениями. В спокойное время правители позволяют социологии существовать, даже делают вид, что заинтересованы в ее результатах, при обострении ситуации закрывают, подобно свободе передвижения при введении комендантского часа.

Спасибо, ты мне многое напомнил. Я ведь был членом группы Фирсова...

...Второй раз конкретное познание жизни мне довелось испытать (буквально так!) в строительной отрасли (примерно, 1966–1967 гг.). Мода на социологию докати-

лась даже до строительных организаций, принадлежавших в советское время, наверное, к десятой букве алфавита: помнишь, деление на группы А, Б и т. д.? Строительный гигант Главзапстрой, с численностью работников более 100 тыс. человек, пожелал изучить причины текучести рабочих кадров, будто им не были известны условия труда строителей! С социологической лабораторией был заключен хоздоговор, в недрах треста создали группу социологов, меня сделали руководителем. В порядке предварительного ознакомления мы стали обходить строительные организации и были потрясены открывшейся картиной. Непролазная грязь на стройплощадках, бардак в организации труда, когда, например, строительство идет опережающими темпами – проектная документация еще разрабатывается, а здания уже воздвигаются; в результате рабочие сегодня заливают бетонное основание под огромный станок, через день-два, когда бетон уже схватывает, их же заставляют этот фундамент разбивать отбойными молотками, так как по пришедшим чертежам он должен находиться в другом месте. Произвол в оплате труда, заработную плату «выводят», из-за чего происходят конфликты вплоть до драки. Бытовки либо отсутствуют вовсе, либо представляют собой удручающее зрелище; поголовное пьянство, мат... Вспоминается один пример. Молодой парнишка из Прибалтики, хорошо воспитанный, в том числе в смысле отношения к труду, попал в бригаду, которая то и дело садилась перекурить или подкрепиться дешевым красным вином – без подкрепления «руки дрожат, и вообще силов нет». А парень продолжал работать. Ему один раз сказали, второй раз предупредили... затем избili и выгнали из бригады. Таково было проявление рабочей солидарности. Походили мы и по общежитиям, ибо строительные рабочие – это в большинстве своем приезжие, «лимитчики», некоторые, правда, застревающие в общагах на всю жизнь, многие из средней Азии и других отдаленных мест; там – пьянки, драки, отсутствие бытовых удобств. Соответственно и шли в строители, по словам самих респондентов, – летуны, прогульщики, алкоголики, «хромые», «косые», «глухие», «тупые» и т. п. Естественно, эта масса, втекающая в УНРы (Управление начальника работ), стройтресты, очень скоро из них и вытекала, составляя чудовищную текучесть до 60% списочного состава в год. До сих пор крутят иногда по телику советские производственные строительные романы, герои которых отличаются от реальных, смею заверить, как небо от земли. И так жила огромная масса рабочих; известно – и понятно, – как они строили.

Мы подготовили и отпечатали для опроса анкеты, сколько-то тысяч, составили предварительный отчет. Последний сыграл роковую роль. Начальство, видимо, поняло, какую картину оно получит при проведении полного исследования и как эта картина станет достоянием общественности. И что с ней делать? Хотя вообще-то порядки на стройках были известны, но говорить о них публично было смертельно опасно для начальников. Мы сами, наблюдая эту нормальную, кошмарную советскую жизнь, терялись в мыслях – что тут предложить? Завезти китайцев или других гастарбайтеров – тогда этот «выход» еще не приходил и в голову. Единственное, что мы смогли предложить, – закупать за границей благоустроенные передвижные вагончики для строителей... но кто ж их закупит?! Хоздоговор был разорван, социологическая группа разогнана, и я в первый раз оказался под гильотинным ножом сокращения, который с тех пор продолжал висеть над головой на всю оставшуюся социологическую жизнь; к тому же, «помогли» нам гонения на прогрессивного начальника отдела, который и привел социологов в стройтрест. С трудом вернулся я в лабораторию, на ту же должность младшего лаборанта, да еще теперь не в штат, а на временную ставку. А к тому времени уже была семья,

6 Я отправил этот фрагмент этого текста Б.М. Фирсову, все же интересно, как результаты социологических исследований входили в практику. Вот его комментарий: «Похоже на правду, но надо точно указать время. К телевидению с разных сторон, но с одной идеей изучения аудитории подошли еще два человека – Генриада Ивановна Хмара, а также Андрей Григорьевич Здравомыслов. Последний предлагал заключить договор хозрасчетного толка, но предложил непомерную цену по тем временам. Я отказался, сказал, что за такие деньги мы можем работать сами. Сразу же укрепил отдел писем. Генриада проводила первые опросы, но довольно простые и громоздкие. Делать этого тогда никто не умел. Бориса Максимова надо попросить найти какие-то кусочки текста. Кроме того, важно понять, кого он тогда представлял, или делал по своей инициативе. По-моему, он работал под началом Ядова. Но я могу ошибаться.. Выступление Максимова помню. Было ли это моим первым знакомством с социологией ТВ? Не помню. События развивались быстро, и идеи проникали в сознание тоже довольно быстро. Бесспорно одно – это было первое знакомство работников ТВ с результатами опросов». Ответ Б.И. Максимова: «Время – приблизительно 1965–1966 гг. Никаких кусочков текста мне, к сожалению, не найти. На совещании в телестудии я не выступал, говорил Фирсов». – Б.Д.

дети; пришлось вернуться к подработкам, практикованным еще в студенческие годы, – разносить почту, стоять в Академии художеств натурщиком, сдавать кровь и т. п. Дорого доставалось конкретное познание жизни.

Какие же повороты в твоей судьбе, в связи с поворотами в социологии, произошли после первого гильотинирования посредством сокращения, как ты выражаешься?

Не знаю, сколько времени торчал бы я в должности младшего лаборанта, если бы... Ты иронизируешь по поводу зависимости от поворотов в социологии. А я, возможно, вообще выскочил бы из нее, так как в институте (НИИКСИ), куда ввели лабораторию, начались гонения на В.А. Ядова, соответственно, и его коллег. Об этом мне не хочется вспоминать, хотя там были буквально курьезные «научные» приключения; например, в один прекрасный день, придя на работу, мы обнаружили, что содержимое наших письменных столов изъято и находится в кабинете директора; каждого по отдельности приглашали туда и, вытаскивая бумаги, вопрошали: «Это что за текст? Как к вам попала эта книга? Вы что – поддерживаете связь с этим злопыхателем?» и т. п. И делали это не злобные кагэбэшники, а свои научные начальники, проявлявшие бдительность, рьяность по собственной инициативе. У меня они еще рулон бумаги отобрали.

Как это? И что за рулон?

Заводской рулон, килограммов в 300–500. У меня был дипломник из Архангельска, с бумажного комбината. В благодарность за руководство он прислал рулон списанной бумаги. Но для наших целей она вполне годилась. Тогда был жуткий бумажный дефицит; я обладал бесценным богатством; мы уже предвкушали, как будем печатать анкеты, может быть даже книжку. Но дирекция пронюхала. В один прекрасный день (опять прекрасный день) меня приглашают и тоном прокурора вопрошают: «Откуда бумага? Кто вам ее похитил? Где документы?» и т. п. Я, конечно, струсил – не за себя, за дипломника, побежал звонить ему, чтобы он занялся оформлением. Дипломник, как на грех, оказался в отпуске, жена его как-то разыскивала... Ну а рулон, запугав меня, спокойно укатили. Успел я только два метра откатать... на стол потом постелили.

Вот такого типа воспоминания о научном учреждении. Перспективы на жизнь там были мрачны.

Ядовцы перебегали в ленинградские сектора московского ИКСИ, а меня, по выражению сотрудницы лаборатории Аркадия Сопикова, «оставили у пулемета». Судьба «оставшихся у пулемета» известна... если бы... Если бы не грянула эпопея исследований социального развития и не открылось новое поле деятельности для таких, как я. В эту сферу я не мог не устремиться.

3. До приобщения к социологии

Боря, я понимаю, что рассказывать об эпопее изучения социального развития ты можешь бесконечно, я тебя об этом спрошу специально, но все же, сначала расскажи о своей родительской семье, откуда ты, где начал посещать школу, где закончил ее...

Ты все же настаиваешь на автобиографических вопросах. Ну, что ж делать... только кратко!

Происхождение мое самое рабоче-крестьянское. Родители в момент моего появления на этот прекрасный белый свет (он, в самом деле, при всех его заморочках, прекрасен; хорошо бы еще раз родиться!) жили в селе в Ленинградской области и были колхозниками. Отец, поработав «за палочки», ушел «в кадры», как тогда говорили, стал рабочим, работал на лесозаготовках, с индивидуальной ручной пилой, называемой тогда «стахановкой». В

то время лес, древесину гнали за рубеж, как сейчас гонят нефть, газ. Отец зарабатывал живые деньги и, появляясь раз в неделю в семье, приносил гостинцы: конфеты «подушечки», черный хлеб, соленую салаку (банку салаки у нас даже как-то украли – настолько она была деликатесом). Отец окончил церковно-приходскую школу и был грамотным, мама же не умела даже расписаться. Ни он, ни она и помыслить не могли, что их сын станет социологом, да и их сын не помышлял об этом. Потом – война... Как и у миллионов других семей она забрала отца; мама осталась со мной и моей сестрой. Как и другие бабы, оставшиеся без мужей, работала она от зари до зари, растила детей и рано умерла.

Еще до смерти мамы я покинул семью. В нормальной школе я учился всего пять классов, потом был набор на фабрично-заводское обучение, и в 1948 году я уехал в «ремеслуху», ремесленное училище в Ленинграде. После РУ работал на заводе и предпринимал усилия (именно усилия) учиться в вечерней школе, в те годы это было распространено. Но те, кто прошел такие жизненные перипетии, знает, как было трудно одновременно работать и учиться. Вот и я – поучился, поучился и бросил. Спасибо великое учительнице (к сожалению, не помню ее имени-отчества), нашла она меня, вытаскала, опекала так, что я окончил, кажется, восемь классов. Потом я решил, что буду учиться в заочной школе – была и такая, – не надо бегать по вечерам, сиди дома, занимайся. Но эта свобода не пошла впрок, да и трудно самостоятельно осваивать, например, алгебру.

Тут подошло время Родине служить. Поскольку у меня было какое-то образование, призвали в авиацию, но, увы, не летать, а прибористом. Замечательное было время, может я когда-нибудь отдельно о нем напишу. Вот жалуются на жесткий режим, армейскую муштру и т. п. Конечно, дедовщина – это ужасно; какие-то ее элементы проглядывали и в мое время. Но зато – утром ты вскакиваешь без залеживания, зарядка на улице, в любую погоду, обнаженным по пояс, умывание тоже по пояс (на всю жизнь сохранил эту привычку), завтрак (нередко «шрапнелью», которую сейчас считают даже полезной) и – строем на занятия, где тоже четкий распорядок, валять дурака не удастся. Не поверишь – за год армейской школы мы прошли столько, сколько в гражданском учебном заведении осваивают, наверное, за пять лет. А физическая культура... кто из нас в обычной жизни занимается ею регулярно?! В свободное время – кино, самодеятельность, иногда выезды в театр, книги можно почитать... Вообще, жизнь была организованной, плотной, о чем я иногда только вздыхал на вольной гражданке...

Но вернемся к учебе на гражданке, как ты выражаешься. Как ты в университет попал?

Да, вернемся. И в жизни мне пришлось возвращаться к ней после армии. Аттестата у меня все же еще не было. И решил я сдавать экстерном за 10 класс, о такой возможности вычитал случайно в художественной литературе. Не менее полугодом, находясь на содержании у сестры, я упорно грыз науку, потом в обычной школе, вместе с обычными десятиклассниками сдавал выпускные экзамены. И даже пятерки получил по некоторым предметам. В тот же 1956 год, будучи «разогретым», сдавал вступительные в ЛГУ. Университет, тем более философский факультет, я выбрал не потому, что это было престижно, – в таких вещах я тогда не разбирался – просто здесь была специальность, которую я наметил еще в школе. Это – психология. Почему психология – прости, умолчу. В целом я тогда уже, стихийно-наивно считал, что все дело в человеках; изречение: «Человек – мерило всех вещей» висело на стенке, тогда уже была склонность к социальной инженерии. Психология в те времена в нашей стране была просто экзотикой, и я ее покинул, уйдя к социоло-

гии, воодушевленный инженерией человеческих отношений. Сейчас иногда даже сожалею, что бросил психологию. Вон она как развернулась, красавица.

Как произошло, что ты заинтересовался социологией? Подтолкнули разговоры с друзьями, что-то проче...

Какие там тогда могли быть социологические друзья! С В.А. Ядовым я где-то пересекался в университете. Он тогда занимался изучением читательской аудитории, просто анализировал читательские карточки в библиотеках, что не производило сильного впечатления. Мы же были настроены на развитие общества! А тут читательские карточки... Да и не был я, к великому сожалению, в друзьях В.А. Ядова. Как попал в социологию? Было две причины: одна прозаическая – надо было где-то работать, и поступил в ядовскую лабораторию, вторая возвышенная – упомянутое стремление «познать общество конкретно». Социология и познавала конкретно, что было тогда просто революцией в общественных науках. Мыслилось, что от познания конкретики можно перейти к практике, к переустройству совершенного в принципе, но слегка деформированного социализма. Меня, вечного идеалиста, это вдохновляло.

4. Эпопея социального развития

Я еще не опубликовал мои интервью с профессором В.Я. Ельмеевым и членом-корреспондентом РАН Ж.Т. Тощенко о становлении в СССР исследований в области социального развития. Но мне интересно твое мнение, социолога, занимавшегося этой темой непосредственно на производстве.

Эпопея социального развития ушла в историю, точнее – канула в Лету; у нас многие страницы жизни общества не становятся достоянием истории, а именно тонут в Лете или подвергаются моральному ostracismu. Эпопея социального развития, конечно, не французская революция, но я все же хотел бы ее помянуть, ибо она была большим куском не только моей личной, но и общественной жизни. Это – не просто страница истории, нечто большее.

То была весьма своеобразная, даже уникальная деятельность, сочетающая в себе различные виды работ (исследования, практические разработки, внедрение их в жизнь, поддержка функционирования), соединяющая усилия различного рода наук и специалистов (социологии труда, экономической социологии, эргономики, психологии труда, педагогики и др.), охватывающая многие сферы и уровни общественной жизни (прежде всего, конечно, социально-трудовую и на уровне производственных организаций, предприятий, но не только), преследующая несоединимые, казалось бы, цели (экономическая эффективность, гуманизация труда, повышение уровня жизни работников, сохранение и даже укрепление их здоровья на производстве и т. п.). Принцип сочетания был сквозным, как бы пронизывающим всю деятельность. Эта деятельность представляла собой разновидность (элемент) социальной политики, сначала на низовом уровне, а затем и в большем вертикальном и горизонтальном масштабах. Замечу, планирование «отжило свой век» вместе с советской властью, но социальную политику не выбрасывать же за борт рыночного, либерального корабля!

Деятельность по социальному развитию стала очередной гигантской кампанией, к тому же, как обычно – сильно идеологизированной. Она приняла масштабы буквально эпопеи, и если бы не перестройка, возможно, основные положения, механизмы социального развития вошли бы в рутинную жизнь. Идеология в данном случае

была самая здоровая – в центр общественного внимания, в том числе и планирования, ставился, наконец, реально (не лозунгово) человек: его материальное положение, жилищные условия, условия труда, его оплата, здоровье работников, их физическое и культурное развитие, здоровый отдых, забота о детях, ну и, разумеется, воспитание, включая идеологическое.

Инициаторами кампании стали ученые ленинградского университета В.Я. Ельмеев, Б.Р. Рященко и В.Р. Полозов. Началось с социального развития трудовых коллективов, затем оно поднялось до уровня территорий, отраслей, республик и стало внедряться в общесоюзные программы, пятилетние планы. Для социологии открылось грандиозное поле деятельности, от работы в рамках отдельных предприятий до мероприятий в масштабах всей страны. Повсюду стали создавать социологические лаборатории, центры, заводские, отраслевые, районные, региональные, городские и общесоюзные (например, при Госкомитете по труду, к названию которого приделали еще и «по социальным вопросам»...)

Извини, что прерываю. Каково же было твое участие? Ты ринулся туда с энтузиазмом...

На ленинградском Кировском заводе была создана служба социального развития (1967 год), мыслилось, что социологи проводят исследования, выявляют проблемы, потребности социального развития и разрабатывают соответствующие мероприятия. Эти мероприятия воплощает в жизнь специальное проектно-конструкторское бюро социального развития, имеющее в своем подчинении строительное подразделение. Организующим документом становились планы (комплексные) технико-экономического и социального развития.

С энтузиазмом принялись мы за работу. Было начато сразу несколько исследований, параллельно сколачивался первый план соцразвития. Работали мы по темпам, как я потом понял, в несколько раз превышающим обычные, научные, например, за год проводили исследование, которое в академическом институте планировалось на пятилетку. Возможно, самым энтузиастом был я. Иногда я даже оставался на ночь в лаборатории, составляя опросники, обрабатывая данные. При этом никакими поощрениями нас не баловали, скорее наоборот...

Работа социологической службы Кировского завода была примером деятельности по социальному развитию на предприятиях. Сейчас отношение к той эпопее и вообще к социальному развитию, так сказать, плевое, но невозможно не заметить, что сделано было многое. Кроме разворота мозгов, о котором упоминал, – и в практическом плане. На Кировском заводе, благодаря вниманию к социальному развитию; было сделано немало. За пять лет была повышена заработная плата на 120%, сокращено число работающих во вредных и тяжелых условиях труда, построено более 10 новых столовых и буфетов в производственных цехах... Особенно впечатляющими были достижения по улучшению медицинского обслуживания, жилищных условий, условий отдыха, физического и культурного развития, развитию сети детских учреждений; для самых молодых было выстроено общежитие гостиничного типа, построены два пансионата, один – в Стрельне, другой – на берегу Черного моря, водноспортивная база с яхт-клубом в той же Стрельне...

И так было не только на Кировском заводе?

Ну конечно. В начале 1970-х социологические подразделения имелись в 60–70 ленинградских предприятиях, организациях, при этом, прежде всего, как говорилось, в наиболее крупных, известных, передовых по тем временам. Как правило, это были небольшие ячейки, имевшие одного-трех сотрудников, но существовали и развернутые службы социального развития, где собственно соци-

ологическая часть насчитывала 5–7–10–12 специалистов. Так, на «Электросиле» в составе отдела НОТ работало семь социологов, на Кировском заводе в социологической лаборатории – 12 человек, в главке «Главленинградстрой» имелся целый отдел социального развития численностью в 17 человек; крупная служба была на Ижорском заводе. Общее число заводских социологов в Ленинграде, по неполным данным, составляло более 150 человек. В городском отделении Социологической ассоциации это была самая крупная и наиболее активно работающая секция. Ежемесячно проводились научно-практические семинары, круглые столы, встречи; раз в год – общегородские конференции, на которых присутствовало до 100 и более человек (не только социологов; приходили с предприятий и другие специалисты, особенно работники кадровых служб). К конференциям издавались сборники докладов.

Секция организовала даже свой клуб и провела несколько его заседаний-вечеров, где научное общение совмещалось с приятным времяпрепровождением, «для разрядки». А разряжаться было от чего: несмотря на названные успехи, некоторые благоприятные условия, работа заводских социологов была тяжелой, положение их неустойчивым, они постоянно находились под дамокловым мечом сокращений. Я сравнивал заводских социологов с солдатами, находящимися непосредственно на переднем крае науки при ее столкновении с практикой, завоевании тогда своих позиций, в том числе и в сфере производства.

Извини, но для проведения исследований вовсе не обязательно работать на предприятии, даже лучше – не работать...

Ты прав. Со стороны легче быть объективным, хотя и на заводе мы в рот начальству, как некоторые полагали, не заглядывали. Исследовательскую работу, действительно, стоило концентрировать, в том числе для ускорения дублирования. Но тогда не было сети, которая могла бы обслужить предприятия. Да найдется ли она и сейчас? Или при рынке стоит кликнуть? Но самое главное в том, что кроме исследований мы вели упомянутую практическую работу социально-инженерного характера, которую невозможно поручить ни работникам других служб на предприятиях, ни людям со стороны.

На заводе тебе не приходилось жаловаться на невостребованность?

Это был период, пожалуй, наибольшей востребованности, даже не востребованности, а непосредственного вторжения в жизнь, когда социология, имея собственных социальных инженеров и конструкторов (проектировщиков) разрабатывала социальные технологии и внедряла их в практику. И ведь дело не ограничивалось проникновением в производственную сферу. Социологические ячейки стали создавать даже в партийных организациях. Где-то у меня есть книжка о социологической группе (службе) районного (или городского) комитета партии. Они тоже хотели иметь социологическую информацию о партийной работе, пользоваться методами социологии. Однако при всем этом, казалось бы и непосредственно в гуще жизни, востребованность была... не знаю, как и назвать. Мы были нужны во многом как украшение, как модный обязательный элемент.

Тогда же ты защитил и свою кандидатскую?

Да, в контексте заводской эпопеи упомяну и защиту кандидатской диссертации в 1975 году без отрыва от производства. На заводе, где это было «не в стиль», защитил, а в последующих научных организациях, где научная степень просто необходима, парадоксально, не мог. Руководителем моей диссертации был В.А. Ядов, а оппонентами

В.Г. Подмарков и Н.В. Андреевкова. О чем диссертация? Она называлась «Промышленное предприятие как объект социологического исследования». Ключевой момент состоял в том, что я рассматривал предприятие как место соединения интересов общества и личности.

По-моему, ты не был членом КПСС. Как это при твоей биографии, вмещающей РУ, армию, вхождение в состав заводского управления Кировского (Путиловского) завода, ты остался «неохваченным»?

Опять же по причине моего идеализма. Сначала я не хотел идти в партию, считая, что в нее вступают карьеристы. Потом, когда надо было все же вступать, – я был начальником социологической лаборатории, председателем секции социологов трудовых коллективов Советской социологической ассоциации и руководителем семинара в ЛДНТП – встал в очередь (ты помнишь эту специфическую очередь ИТР). Но так моя очередь и не дошла, грянула перестройка, когда доблестью стало остаться беспартийным. Правда, мне эту доблесть некуда было применить.

5. Страницы жизни в Храме Большой науки

После завода ты подался в «большую» науку...

Да, я был одним из немногих, работавших ранее на заводах, кто сохранился в качестве социолога и попал в научное учреждение. Мой следующий кусок жизни можно назвать приключениями в ХБН – Храме Большой науки, коим я именуую академический институт.

Какой конкретно Храм Большой науки ты имеешь в виду?

Известный и тебе Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР, тогда новенький, недавно созданный, с кипящей интеллектуальной жизнью. Насколько я информирован, его создание проталкивали, с переменным успехом, много лет ленинградские ученые, а также обком; для последнего наличие такого института было делом престижа, наверное, в первую голову, хотя, возможно, он имел и какие-то иные планы или иллюзии. В то время был создан научно-практический монстр – «Системотехника», с числом сотрудников как будто бы в три тысячи человек. Он должен был разработать систему управления городом и областью с применением новейших методов моднейшей тогда вычислительной техники, еще не именованной компьютерной, но уже претендующей на автоматизацию управления, не менее. Системы так и назывались: АСУП, АСУС, АСУО и т. п. – автоматизированная система управления производством, строительством, отраслью; были также «управления кадрами» (АСУК) и множество других. Вот передовой питерский обком хотел и городскую жизнь, то бишь управление ею, автоматизировать.

Но в «Системотехнику» согнали в основном технарей, там царил именно технократизм. А гуманитариям нужен был свой институт; они жаждали объединить силы, решать проблемы и, конечно же, вносить изменения в жизнь. Если на первом этапе жизни возродившейся из пепла (точнее – из ничего) социологии все хотели познать общество конкретно (и другие гуманитарии тоже), то теперь царил лозунг изменений, все жаждали перемен. Помню, даже песня такая была, в которой требовательно звучало: «Мы ждем перемен!»; и дождалась. ИСЭП нужен был обкому, возможно, для гуманитарного обоснования упомянутой АСУГ; какие-то еще экономические региональные проекты хотели иметь... а скорее всего, как я гово-

рил, для навешивания высоконаучного «лейбла» на свои проекты, так как реальное потребление продукции было, насколько я знаю, мизерное.

При учреждении института произошел организационный казус (куръез). Решение о создании было, наконец, подписано в многочисленных московских и ленинградских инстанциях, но случилось несчастье – сердце инициатора, которого толкал обком, не выдержало, он скоропостижно скончался. И институт повис, ибо создавался под определенную персону. Прошло более года, пока подобрали новую кандидатуру на должность директора.

Упомяну, что первым секретарем институтской партийной организации был Андрей Алексеев, участвовавший и в вербовке, подборе кадров.

Не мог бы ты перейти к личным приключениям, говоря твоим языком? Каково было твоё вхождение в ХБН? Ты пришел с большим практическим багажом, знанием жизни – это было твоё важное преимущество. Вместе с тем ты хотел заняться крупными проблемами...

Как я сегодня понимаю, я был «чистеньким», то есть не соприкоснувшимся еще с системой (сетью – по-современному) «человеческих отношений» в трудовом научном коллективе, то есть в ИСЭПе. А сеть к моему приходу в 1978 году уже сложилась. И состояла из двух воюющих друг с другом частей – с использованием партийной организации, поддержки из обкома, а то и из Москвы. Вскоре внутренняя война сопряглась с гонениями на социологов сверху; борьба пошла не на жизнь, а на смерть. Увы, вот эти отношения, а не научные изыскания доминировали. У меня даже сложилось такое впечатление, что внутренняя война – любимое занятие научных коллективов.

Оставаться «чистеньким» мне удавалось недолго. Сейчас я смотрю на те приключения с юмором, но тогда было не до смеха. Конфликты в ИСЭПе – это отдельная, большая эпопея, соразмерная масштабам борьбы. Здесь я отослал бы к текстам активных бойцов – А.Н. Алексеева, Л.Е. Кесельмана⁷. Хотелось бы поведать о чем-то «большом, научном» – все-таки ХБН! Но опять же, если говорить о сугубо личных моих делах, получится мелковато. На что-то «большое научное» лично я так и не успел выйти. А мелкое попробую проскочить побыстрее.

Какими проблемами ты занялся?

Занялся... мной занялись! При моем настрое на большие проблемы первое, что мне поручили в порядке так называемого «оперативного исследования», было изучение системы политпросвещения, да еще всего лишь районного масштаба. Тут я увидел во всей красе имитацию деятельности, процветающую во многих сферах общественной жизни. Партийные организации на местах отчитывались красивыми планами и итогами, большим количеством семинаров, разнообразием их тематики, значительным числом слушателей, их высокой активностью; некоторые приводили примеры повышения политической (и экономической, там и экономику учили) грамотности, сознательности. При соприкосновении же с реальной практикой все это оказывалось формальностью, туфтой. Понятие «туфта» сформулировано было, кажется, на зоне, но вполне подходило и для жизни «на воле». Оно верно отражало суть распространенных форм общественной жизни, особенно идеологической. Если принять религиозное толкование советской идеологии, то система политпросвещения была одним из обрядов, в которых главное не содержание, а процесс проведения. Еще мне хочется сравнить подобные занятия с играми. К со-

жалению, концепция советских игр не разработана (может быть просто неизвестна мне), но она весьма подошла бы к грандиозным играм в выборы, в демократию, ходрасчет, в партию, вообще в советскую власть. Гигантский спектакль, какой не поставит и Дмитрию Нагиеву с его умопомрачительными по размаху, многообразию и нелепости телешоу.

Только я успел составить отчет по политпросвещению, с проведением добросовестного анализа, выдвижением рекомендаций – Боже, сколько жизни потрачено на туфту! – как меня бросили на другое, еще более далекое от фундаментальных проблем дело. В районе готовилась какая-то конференция, кажется, по соцсоревнованию. Надо было помочь выступающим простым трудящимся подготовить их речи. Мне досталась продавщица-бригадир из первоклассного кондитерского магазина на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского. Я накатал ей речь о высоком уровне обслуживания покупателей, заканчивавшуюся словами: «Мы работаем по принципу – покупатель всегда прав!» Тогда это звучало революционно. Как мне передавали, выступление девушки вызвало аплодисменты.

Вслед за этим я получил второе «оперативное исследование» – опять вроде бы по заказу партийных организаций – изучение бригадных форм организации труда (БФОТ). Везло мне: я опять попал на кампанию, сопоставимую с социальным планированием! Не помню уж точно, кто был инициатором этой эпопеи, кажется, Калужский турбинный завод, опыт которого поднял на щит известный журналист, написавший «Калужский вариант» и давший толчок к превращению интересного самого по себе начинания в общесоюзный почин.

Возможно, ты имеешь в виду выступление Александра Левикова⁸?

Да, верно. Главная идея этого почина состояла в том, что объединение усилий людей рождает новую энергию (почти по Марксу), это является ключевым моментом перехода производства на новую ступень, более эффективную и приближающуюся к коммунистической. Конкретно это, при некоторой вульгаризации опыта и основной идеи, выливалось в бригадные формы организации – и оплаты – труда. Ну, а дальше все пошло, поехало по законам кампании. Были выданы разрядки, дело поставлено на партийный контроль. Бригадные формы стали насаждать не только на предприятиях, среди рабочих, но и в других организациях, например, среди конструкторов.

Кампания вообще-то не нуждается в анализе, он даже противопоказан ей. Но тут кто-то, то ли из сомневающихся, то ли желающих получить еще и научное обоснование, дал команду. И опять я увидел картину, далекую от официального изображения. Я уже упоминал, что кампанию окрестили «коллективизацией промышленности», и что она проходила «сложно». Это было очень мягко сказано. Дело в том, что кроме объединения работ, против чего рабочие протестовали не очень сильно, БФОТ предполагала и сваливание зарплаток в «общий котел» с последующей дележкой по коэффициенту трудового участия (КТУ); последний определялся бригадиром, собранием бригады. Советские рабочие, склонные, казалось бы, к коллективизму (гораздо сильнее индивидуалистических крестьян), приближающиеся к коммунизму, оказались совершенно не готовыми к плотному социалистическому сотрудничеству (или уже отошедшими от него), особенно – к «общему котлу». В так называемых органических, или сложившихся самостоятельно, бригадах все было нормально. Но по разрядуке никто не хотел жить. Были психологические моменты, противоречившие нормальному восприятию; например, члены бригады должны

⁷ Кесельман Л.Е. «Случайно у меня оказался блокнот в "клеточку"» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 5. С. 2–13.

⁸ Левиков А. Калужский вариант. М.: Политиздат, 1980.

были присматривать друг за другом, субъективно оценивать вклад товарища и публично высказывать эту оценку. В то же время разнарядку надо было выполнять. Рабочие, как могли, сопротивлялись. Часто бригады создавались лишь формально, вплоть до того, что рабочие продолжали вести свой учет, кто сколько сделал, и переделывали зарплату, начисленную по КТУ. Иногда дело доходило до драки. Оказалось, что работавшие рядом люди на самом деле весьма разбеднены или не переносят сближения на короткую дистанцию. Некоторые говорили, что они вообще «не переваривают» соседа по участку, ставят даже экраны из фанеры, чтобы «не видеть морду» товарища, брата по классу. Индивидуализм-то и тогда процветал, или уже процветал среди солидарного по определению рабочего класса.

Какие выводы должен был сделать социолог? Что форма не та, насилует природу человека? Но, помилуйте, какое насилие – это воспитание, «переделка человека». Сказать, что рабочие не те, заражены духом буржуазного индивидуализма? Но где взять других рабочих? Опять же, «воспитывать нужно», «находить к людям подход». Помню, что отчет по анализу был толстым, но не помню, какие же рекомендации я давал практикам как социолог. Может быть, потому забыл, что к тому времени меня самого начали выгонять из института, и мозги переключились на более сильные переживания.

Мне кажется, одно время ты был включен в изучение социально-психологического климата...

Да, и это весьма интересная страница. Этой темой в ИСЭПе занимался сектор профессора Б.Д. Парыгина⁹, и при сборе эмпирического материала я был назначен «директором поля» (опять – на оперативную работу). Это было уже солидное исследование, на достаточно фундаментальную тему, под руководством крупного социального психолога. Тематически мой участок состоял в рассмотрении психологического климата в коллективах рабочих, близких мне по заводскому опыту. Предусматривался и выход в практику – конструировался «климатометр», который позволял измерить уровень, качество отношений в конкретных коллективах, сделать выводы о деструктивных элементах и дать основания для принятия соответствующих мер. Беда состояла только в том, что Борис Дмитриевич был приверженцем «здоровой конфликтности» в социально-психологическом климате и практиковал эту составляющую и в своем коллективе. Но грань «здоровой», видимо, была определена не очень четко, и скоро я, не доведя свою тематическую линию до завершения, оказался в другом секторе, на другой тематике, в которую тоже пытался вписаться.

Кстати, отмечу незабываемое впечатление – чрезвычайную сложность вписывания в научную тематику. Когда я познакомился с научными планами института, то увидел, что нет ни единой щелочки, куда бы я мог втиснуться с интересующей меня проблемой. Направления исследований спускались сверху, из Академии наук (а в нее, вероятно, из органов власти). На местах направления детализировали, расписывали по отделам, секторам, группам, вплоть до отдельных сотрудников, утверждали на ученом совете, отсылали на утверждение в Москву, и после этого программа становилась железобетонной системой, не подверженной ни социальным, ни физическим катаклизмам. Планы неукоснительно соблюдались, по ним составлялись отчеты, которые тоже проходили процедуру рассмотрения, утверждения – все шло намеченным путем. В стране могли произойти землетрясения, неурожай

и т. п., но планы никто не мог изменить. Наука словно сама себя заковывала в железные кандалы, тащила их на себе пять, семь лет. Когда я пришел в ИСЭП, планы были давно сверстаны, и я оказывался в положении «не пришей кобыле хвост». И при этом появлялись живые идеи, совершались открытия... если еще учесть, что составление планов и отчетов занимало львиную долю времени, сил, научной работы! Могу предположить, что открытия делались вне планов. Меня это впечатляло тогда, впечатляет и сегодня, хотя, конечно, планирование стало мягче и даже стало выполнять противоположную функцию – опоры, каркаса для расплывающейся тематики. Может быть, на этом и держится научный поиск?

Но я все это говорю к тому, что не мог вписаться в академическую тематику. А была у меня любимая тема, которую я так и несую всю жизнь, до сих пор не приземлив ее в качестве плановой. (И в последнем институте пришлось вписываться, притом в ситуации, когда моя тема вышла из моды; впрочем, и та, которую я «подобрал» как брошенную более прозорливыми социологами, тоже скоро стала не модной; и в социологии имеет место быть мода). Тема эта – «Человек на работе», «Человек работающий»; в других формулировках: «Социальные функции труда и производственной организации», «Работник (рабочий) в социально-трудовой сфере». Потихоньку (вне планов!) я обдумывал тему, накапливал материал: запросы работников к труду, производственной организации, объективные функции последних относительно не только работников, но и общества в целом, механизмы согласования интересов различных субъектов в социально-трудовой сфере, роль этой сферы в современных условиях и при современных концептуальных подходах... Я только сегодня, когда тема устарела, выхожу на нее. Суждено ли хоть эту линию довести до завершения? Судя по обстановке в Академии... но не буду пока касаться этого вопроса.

В связи с пребыванием в секторе психологического климата не могу не упомянуть специалиста, занимавшегося социалистическим соревнованием (вообще и секторно номинально назывался «социалистического соревнования»), находившегося в парадоксальном, мягко говоря, положении, усугубленном еще и его личными качествами. Геннадий Александрович Муравьев – бывший моряк-подводник, во время войны участвовавший в знаменитом (трагическом) переходе Балтийского флота из Таллина (в День Победы он надевал военный китель с орденами) и приходил в институт, это было потрясающее зрелище), в теории соревнования (зижидившейся на статье Ленина с выражениями: «шлепнуть бы парочку») он твердо держался первоисточков, потрясал первыми социалистическими обязательствами, принятыми, кажется, на «Красном Выборжце». Там рабочие принимали на себя обязательство... снизить расценки. Не «увеличить», «поднять», «догнать» и т. п., как писали все потом, а именно снизить расценки и тем внести наиболее реальный вклад в повышение производительности труда. Это была классика, первоисточник. Но в наши времена никто уже не мог понять и принять такой подход. Добровольное снижение расценок, которым обычно режут заработки рабочих, выглядело совершенно противоестественным, бедный моряк нигде не мог найти поддержки, в том числе и у идеологов, не говоря уже о рабочих. Такова, видимо, была сермяжная природа социалистического соревнования. На что бравый подводник тратил свою жизнь?!

Удалось тебе все же заняться большой темой?

Пожалуй... лишь влезть в проблему. В какую-то из научных пятилеток ИСЭП (по крайней мере, его социологический отдел) занялся темой образа жизни (соци-

9 Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981.

алистического, разумеется). Это была интересная, фундаментальная тема, касающаяся всех сторон жизни в их неповторимом переплетении. Я находился уже в секторе социологии труда и должен был рассматривать, соответственно, образ жизни именно в сфере труда, трудовой жизни. Реальная картина здесь была, так сказать, пестрая. Наряду с практически полным охватом социалистическим соревнованием и его «высокими достижениями», повышением материального уровня (по крайней мере, по официальным данным), уверенностью в завтрашнем дне, не ценимой тогда, и т. п., не менее четверти рабочих трудились во вредных условиях, при этом половина из них – женщины, которым по закону вообще не полагалось находиться на таких рабочих местах, распространено было и прогрессировало пьянство на работе (рассказывали, как начальники цехов после смены развозили рабочих, которые сами не могли добраться до дома), падение интереса к труду, избегание ответственности, проявление инициативы только как «вынужденной», отчуждение и самоотчуждение от участия в делах предприятия – комплекс черт поведения (образа жизни), которые В.И. Герчиковым¹⁰ и другими были заформулированы как формирование «люмпенизированного типа личности работника». По Герчикову, удельный вес люмпенизированных промышленных рабочих (ядра рабочего класса) к концу 1980-х доходил до 50–60%. Я, правда, явление люмпенизации не очень воспринимал, зная реальных рабочих (отчуждение – да), но все же не мог не видеть расхождения между должным образом «гегемона» советского общества и реальным его поведением, как и других социально-профессиональных групп.

По другим составляющим образа жизни (не производственным) было примерно такое же положение. Например, пьянство процветало не только на работе, но и вне ее, вокруг нее. Те рабочие, которые могли сами выйти за проходную (или им не удавалось пронести на работу «полбанки») собирались группами в «Голубом Дунае» (то есть под открытым небом, в скверике, на пустыре), если позволяла погода, и не спеша попивали так, что домой все равно приползали уже «тепленькими». Все это выглядело бы нормальным (я имею в виду социологические данные), если бы не необходимость соответствия жизни нарисованным для нее схемам. Социологам оставалось направлять усилия на разработку моделей образа жизни, методологических и методических вопросов исследования, в том числе и потому, что данные о реальных параметрах положения работников Госкомстат закрывал как секретные; если их еще и можно было получить, допустим, «для служебного пользования» или по более строгой форме допуска, то опубликовать без риска для научной карьеры не представлялось возможным (да и не взял бы никто). Социология становилась секретным занятием; помню, даже материалы конференции по БАМу, на которую нам с Алексеевым повезло попасть, числились под соответствующим грифом. К сожалению, и эту линию моих научных изысканий в ХБН мне не удалось завершить. Она пресеклась появившейся необходимостью уносить ноги из института.

Что произошло? Ты же говорил, что пришел в ИСЭП «чистеньким».

Соблюдать нейтралитет в отношениях, как говорил, я не мог долго, так уж по-дурацки устроен, да и ситуация не позволила. К тому времени началась упомянутая кампания по «воспитанию» социологов (обо всей кампании рассказывают другие, хотя у меня была своя траектория). В целом я был «ядовским человеком» (хотя и не находился в том секторе), потому – персоне нон грата в данное время (принимал-то меня на работу другой ди-

ректор). Плюс к этому завсектором проделал со мной такой финт: пригласил к себе в сектор, а когда я перешел – со ставкой, он вскоре открыто заявил, что ему надо принять на мою ставку своего человека, под него я должен освободить место (тут мне открылось, для чего он приглашал). Не уйду сам, буду уволен по сокращению штатов; к тому времени как раз кампания по сокращению подоспела; зав. был фаворитом у директора, и ему подвести меня под монастырь ничего не стоило. Уходить с клеймом уволенного по сокращению тогда означало поставить крест на научной карьере. Поскольку я медлил (хотя и дрожал), завсектором лишил меня плана работы на предстоящий год. Сейчас, наверное, трудно даже понять, что значит оказаться «без плана работы». Ты понимаешь? Есть какие-то аналоги в мировой практике? Тогда я завибрировал, морально был сломлен. Коллеги советовали мне написать на заведующего «телегу» с обвинением его в плагиате, он, действительно, в публикации позаимствовал кое-какие мои материалы, но я постеснялся, было неловко выходить с таким обвинением. Он не постеснялся, а мне было неловко (да и сейчас не хочется называть его фамилию; Бог с ним, нехай живэ).

Так я и оказался за стенами ХБН, снова плюхнувшись в родную стихию – в производство, на завод, только не на родной Кировский, а другой, на упомянутый – где трудился на своем легендарном ПКР Андрей Алексеев. Пути такого социолога как я – будем считать по благодати Господа – оказались неисповедимыми.

6. Поход во власть

Есть еще в твоей судьбе один эпизод, о котором я хотел бы спросить тебя. Это – твой поход во власть. Ты избирался депутатом один раз или несколько?

Мне хватило одного раза; избирали на 5 лет, 1990–1995 годы, но в 1993 году Советы разогнали. Хождение социолога во власть – это тоже целая эпопея. Я должен был написать об этом книгу. Вот В.Л. Шейнис написал капитальный труд...

...я видел этот двухтомник, но пока не прочел его¹¹...

...так вот, нечто подобное должен был бы выпустить и я, тоже ведший записи, то есть работающий по методу «наблюдающего участия». Проект (описания) до сих пор сидит у меня в голове; особенно нравятся мне так называемые «непроизнесенные речи». Но где взять время вылить проект на бумагу?! Я, право, не знаю даже, о чем кратко сказать, материал – огромен...

Может быть, скажешь что-то о самом замысле?

Пожалуй. Замысел был социологический, и в депутаты я шел именно как социолог, по упомянутому бессмертному алексеевскому «наблюдающему участию» с примесью большой дозы розовых надежд что-то и сделать практически, не только холодно наблюдать. О, романтическое время перестройки, весна демократии! Редкий мыслящий и не совсем еще потухший гражданин не был подхвачен волной социальной активности. Уж тем более карабкался на гребень волны я, хотя только еще выходил из ампулы сторожа-строителя в садоводстве (побывал я и в этой волне-движении).

Предпосылкой было то, что еще до выборов в так называемые «демократические советы» у себя в секторе социологии общественных движений Института социологии РАН в Петербурге мы изучали бурно разворачивающиеся эти самые общественные (демократические, конечно)

¹¹ Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). М.: Моск. центр Карнеги, Фонд ИНДЕМ, 2006.

¹⁰ Герчиков Владимир Исаакович (1938–2007).

движения. И, не смущаясь особо эффектом дополнительности, участвовали в деятельности этих движений (клуб «Перестройка», «Демократическая Россия» и др.). Когда дело подошло к выборам, естественным было намерение посмотреть изнутри, как движения будут овладевать властью. Я изготовил научно-исследовательский проект и доложил его на секторе. Одобрения, однако, не получил, и все же решил действовать на свой страх и риск, используя свою технологию. Кроме упомянутого исследовательского, был у меня еще один глубинный замысел: я мечтал создать в Совете какую-то социологическую ячейку (еще несколько социологов проходили в депутаты), собирать информацию с мест (в том числе используя результаты исследований других социологов), представлять ее депутатскому корпусу-сообществу (подобно упомянутой выше «машине общественного мнения» Б.М. Фирсова), обеспечивать тем самым «обратную связь» в контуре управления городом, сделать социологию работающей, да и самим депутатам не давать отрываться от грешной питерской земли, конкретных забот жителей родного Ленинграда. Еще в своей программе я напирал на развитие самоуправления во всех сферах, на всех уровнях – тогда эта тема тоже была на слуху. Ну и, конечно, в мои намерения входило активно участвовать в выработке, принятии прогрессивных демократических решений. Тут я выходил за рамки исследователя. Записался в две депутатские комиссии... это кратко о моей программе.

Как ты вел кампанию?..

...Это достаточно юмористическая история. В качестве членов группы поддержки я мобилизовал друзей, соратников по туристическим походам, жену, детей... Публично, с трибуны выступать было практически нигде. Проводились, правда, предвыборные собрания в округе, но даже в то активное время приходил на них известный контингент: десяток-другой бабушек с небольшими вкраплениями дедушек. Группа кандидатов, иногда большая по численности, чем избиратели, рассказывала последним о своих красивых программах. Возможно, потом расходились какие-то волны. Главным методом я считал непосредственные контакты с конкретными людьми, при этом не произнесение перед ними своих лозунгов, а выслушивание их самих. Сочинил анкетку и разослал с ней упомянутых членов группы поддержки со строжайшим наказом – не оставлять анкеты нигде, ибо если бы они попали в избирательную комиссию, я бы погорел. Не потому, что комиссия додумалась: опрос выступает формой агитации, а просто такая процедура не была предусмотрена положением о выборах, и за отклонениями строго следили. Дальше был такой эпизод: в один прекрасный день парадные всех домов оказались оклеенными тетрадонными листочками в клеточку, где писалось, что Максимов – это научный работник, далекий от жизни, «академический человек», профан в городском хозяйстве, пенсионного возраста (хотя я еще не был пенсионером) и т. п. Это, очевидно, мой конкурент, директор, мобилизовал какую-то школу. В ответ мы расклеили листочки с весьма кратким содержанием: «Поликовский – директор». Тогда это звучало убийственно.

Вошел я в КОС (территориальный комитет общественного самоуправления) и от его имени проводил так называемые «заочные собрания жителей микрорайона» (методика имитировала очное собрание). Мы рисовали и расклеивали развлекательные картинки для повышения явки, а в день выборов бегали по квартирам и вытаскивали ленивых избирателей, ибо до порога явки людей не доставало, тогда он был высоким, все могло сорваться. Конкуренты у меня были сильные, но, к своему удивлению, я оказался избранным. Помогло, вероятно, и то, что накануне голосования газета «Смена» опубликовала список

кандидатов, которых она считала демократическими, а список, в свою очередь, составляли общественные организации, в которых мы вращались.

Пожалуйста, поделись впечатлениями о работе депутата.

Впечатления... Что же отобрать? Из исследовательских наблюдений: лидеры демократических движений, войдя в орган власти, покидали свои движения, словно выпорхнувшие из коконов бабочки; обезглавленные движения чахли, загибались; депутаты порывали связь со своей социальной базой. Некоторые говорили, что принципиально должны быть независимыми в своих решениях, хотя вряд ли они произносили такое на предвыборных встречах. Вскоре демократический Ленсовет оказался как бы замкнутым в стенах Мариинского дворца. Городская жизнь со своими проблемами – помнишь, ведь на многие продукты тогда выдавали карточки – протекала где-то там, а здесь была своя внутренняя жизнь. Информация с мест, которую я пытался поставлять, никого не интересовала; мой сокровенный прожект повис. Прошедшие в депутаты социологи в группу не сколачивались. Оставалось действовать в качестве наблюдателя и рядового депутата. В последнем качестве меня преследовал «комплекс муравья» – я ничего не мог сделать, ни на что повлиять, даже не всегда выступить (недаром пришлось записывать «непроизнесенные речи»). В демократическом совете царил такая иерархия! Вообще, призванный на председательство популярнейший тогда А.А. Собчак, давал установку «вырабатывать решения за закрытыми дверями», а на сессиях лишь утверждать их. Как социолог я иногда проникал за эти «закрытые двери» (на заседание какой-нибудь комиссии), садился в уголок, за пальмы, и, если меня не обнаруживали и не изгоняли как «чужого», «постороннего», наблюдал как бы сходку заговорщиков, где договаривались о том, как скомпрометировать неугодный проект решения, «зааплодировать» такого-то, «свалить» этого и т. п. Одной из жутких заморочек была демократическая процедура, которую непривычные депутаты осваивали полгода, если не больше, и о которую спотыкались потом чуть ли не каждый день. Иногда первая половина заседания уходила на утрясание повестки дня; после этого объявлялся перерыв на обед и только во второй половине принимались за сами дела. Не единожды совет впадал в патовую ситуацию, когда не мог даже закрыть заседание (хоть оставайся ночевать во дворце!) Впечатляло меня, непривычного, то, что при принятии решений работал принцип не разумности, рациональности, а – силы. Каким бы совершенным ни был проект, если сильная группировка (фракция) голосовала против, он не имел шансов быть принятым. К этому я до сих пор не могу привыкнуть, видя иногда картинку из жизни Госдумы.

Надо бы вспомнить о содержании принимаемых революционных решений самого демократического и революционного из горсоветов, а то я все о заморочках, иерархиях и т. п. Но это совсем неподъемно. Каждый день рассматривалось несколько проектов; раздаточные бумаги разносили пачками, стенограммы выступлений исчислялись десятками толстых томов (где-то сейчас, в каком архивном кладбище это буйство мыслей, идей, проектов, призывов, просто «реплик по порядку ведения» и т. п.?!). Одной из главных эпопей была приватизация, которая варилась совместно с администрацией города (заменившей исполком горсовета), вскоре возглавленной независимым Анатолием Александровичем, покинувшим вознесших его депутатов и продолжающим их шпынять по-профессорски уже из здания Смольного. Так он, немного оговорившись, предлагал пустить депутатов на бесплатные школьные завтраки. Делалась приватизация совершенно большевистскими методами, только в обратную сторону от

национализации, – по старой доброй разрядке, с закрыванием глаз на многочисленные нарушения правил... Главное, надо было успеть осуществить известную гайдоровскую установку. Потом взялись за переустройство политической системы... на это и напоролись...

Ленсовет немало поливали; особенно в свое время усердствовал известный А. Невзоров, изобразивший в одной из передач «600 секунд» депутатов в виде скопища отвратительных крыс. Одна моя близкая знакомая, наслушавшись речей о дармоедах-болтунах депутатах, эмоционально однажды воскликнула: «Прямо взорвала бы их всех!» – «И меня?» – спросил я. Знакомая замялась, но не сказала, что погорячилась. СМИ тогда постарались скомпрометировать вообще представительную власть. При всем моем трезвом отношении к горсовету, я не хотел бы выглядеть его очернителем. В свое время он сделал очень много; основная масса депутатов была людьми действительно демократических убеждений, настроенными на бескорыстное служение городу и демократии, прошу прощения за высокопарность. Недаром разгон Ленсовета был для ельцинского режима просто необходимым.

Полон трагикомизма последний день работы Ленсовета. Работа шла чрезвычайно слаженно, за один день приняли столько и таких решений, сколько и каких не осваивали и за месяцы предыдущих заседаний. Председатель поздравил депутатов с весьма плодотворной де-

ятельностью. Все заплодировали, встали, хотели закончить заседание исполнением введенного уже гимна города (на музыку Глинки). Но тут поступила информация, что совет по указу Ельцина и с подачи Собчака еще накануне распущен...

Немую сцену я предлагаю представить тебе самому и читателям тоже.

* * *

Не знаю, что делать... Я хотел рассказать, как дважды прошел путем социолога-сторожа, которым в то время проходили и некоторые другие социологи, и отсюда вынес любопытные наблюдения, обстоятельнее описать мое хождение во власть, поделиться результатами исследований рабочего движения, в которое вовлекся сам и даже удостоился знака «Ветеран рабочего движения», наконец, о сегодняшнем самоощущении и восприятии жизни. Ведь мы живем уже совсем в другой России, однако перестаем замечать это и до сих пор не решили сакраментальный вопрос: прогрессировали мы, приблизившись к Большому Миру или нас просто надули, заморочив голову «демократией», «рынком», «жизнью не во лжи» и т. п.? Но понимаю, что лимиты времени и пространства исчерпаны, а говорить еще более схематично, коротко у меня не получается. Что делать? Может написать брошюрку: «Минидраматическая социология»? Или успокоиться – все равно никто читать не будет? Как ты посоветуешь?